
VII. ИДЕИ, ЦЕННОСТИ, ИДЕАЛЫ

О.А. ЗАПЕКА

(Институт славянской культуры
МГУДТ, Москва)

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ «ОБЩЕГО ДЕЛА»

Н.Ф. ФЁДОРОВА

Abstract:

Zapeka O.A. *The problem of freedom in the work of N.F. Fedorov Philosophy of the "Common Task"*

In N.F. Fedorov's philosophical constructions system all concepts are observed according to the Common cause project (of universal resurrection). In it the freedom has a projective nature and must be the result of a person's labour activity. It is not the freedom that constitutes the virtue of a person, but his or her active participation in the cause of resurrection, that is, in the universal moral duty fulfillment.

Ключевые слова: свобода, Н.Ф. Фёдоров, «общее дело», нравственность, личность, воскресение, христианство, деятельность.

Этическая проблематика составляет ядро русской философии. Большинство этических систем, созданных в конце XIX – начале XX вв., имеет религиозные основания. Так, Николай Бердяев отмечал, что «нерелигиозная мысль у нас всегда не оригинальна»¹. Славянофилы первые выступили проводниками той идеи, согласно которой русская духовная жизнь религиозна по своей сути: томление религиозной жаждой, религиозная тоска – неотъемлемые свойства русского духа.

Русская мысль «пережила» довольно сильное влияние философского опыта Запада, но русской духовной культуре всегда был чужд принцип абстрактного философствования, характерный для духовных движений европейского сознания, обнаруживающий свои истоки в рассуждениях древнегреческих софистов и панлогизме Аристотеля. Русская религиозно-философская мысль имела иную направленность: осмысление конкретного духовного опыта. Эта

традиция и стала основой мирозерцания русских христианских философов Нового времени.

Например, отправной точкой философствования Ф.М. Достоевского, без которого невозможно представить русскую религиозную философию конца XIX – начала XX вв., стало совпадение, «наложение» начал этического и религиозного. «Цель всякого движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть, – подчеркивает Достоевский, – единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственного, и вера в Него как в Единого Истинного. Никогда ещё не было народа без религии, т.е. без понятия о зле-добре»². Способность к различению добра и зла позволяет человеку (народу) «добыть» Бога, прийти к нему.

Мысли Ф.М. Достоевского были во многом созвучны мыслям одного из самых удивительных его современников – Н.Ф. Фёдорова, чье философское творчество отличали исключительная оригинальность и дерзновенная сила. Достоевскому были близки идеи всеобщего воскрешения, братства, составившие основу учения «загадочного мыслителя». Достоевский также разделял фёдоровское убеждение в том, что современное им общество пребывает в «неродственном» состоянии. Но, как нам кажется, не стоит преувеличивать степень влияния воззрений Фёдорова на Достоевского: последний был знаком только с кратким очерком идей Фёдорова, а более полного представления о них он так и не получил (письмо Н.П. Петерсона – ученика, последователя и комментатора учения Фёдорова, в котором система мыслителя была изложена более целостно, вышло уже после смерти писателя).

Достоевский и Фёдоров – противники обособления человеческой личности, противники индивидуалистической жизненной установки. Формула Достоевского «все виноваты во всем», означающая, что все люди связаны таинственным единством, которое потенциально включает в себе возможность подлинного братства, приобретает в философии Фёдорова особое значение. Он доводит до предельной крайности это сознание всеобщей ответственности всех за всех, что и нашло своё выражение в «проекте» всеобщего воскрешения, участие в котором есть высший нравственный долг каждого человека. Фёдоров отвергает всякую индивидуальную перспективу жизни временной и вечной как совершенно безнравственную, бесчеловечную и безбожную. Жить нравственно – значит жить со всеми и для всех. Только выполнив свой долг перед умершими, человек может обрести личное счастье и личную свободу. Человеческая личность, взятая в своей отдельности, вне процесса реализации долга перед отцами, лишается в

учении Фёдорова своей самоценности. Человек, с точки зрения Фёдорова, нравственен настолько, насколько он осознал свой долг и насколько он вовлечён в процесс «общего дела» воскрешения.

В системе философских построений Фёдорова все понятия, все «составляющие» рассматриваются с точки зрения «проекта общего дела» (всеобщего воскрешения). Проблема всеобщего воскрешения заслонила от него ряд других проблем. У Фёдорова, как очень верно заметил Бердяев, «слабо выражены нравственные и религиозные начала свободы и достоинства личности»³. Если философия Достоевского «дышит» пафосом свободы: судьба человека решается в свободе, через свободу «проходит» испытание высшее достоинство человека, его готовность к исполнению высшего предназначения, – то автор «философии общего дела» не принимает свободы в том виде, в каком она существует в мире подполья. Свобода у него носит проективный характер, она должна стать «продуктом» трудовой деятельности человека. Диалектика добра и зла, раскрытая Достоевским, путь расщепления оказались чуждыми фёдоровскому мирозерцанию. Зло, как его понимает Фёдоров, лежит в природе, в её бессознательности, «в самом рождении и связанной с ним неразрывно смерти»⁴. Истинное зло есть смерть, истинное добро есть жизнь, «возвращение живущими жизни всем умершим для жизни бессмертной есть добро без зла»⁵. Зло, как отмечает Фёдоров, преодолевается по мере того, как совершается процесс воскрешения. «Подлинная этика требует такого добра, которое не нуждается во зле. Добро без зла находится и вне зла и того добра, которое не может быть без зла»⁶.

Братское единение и воскрешение отцов – вот те цели, достижение которых должно предшествовать осуществлению во всей полноте Царства Божьего. Никакого нового рая вне «земного бытия» Фёдоров не приемлет. Именно потому, что люди перестали воспринимать каждую смерть как трагедию, утратили чувство непримиримости в отношении к смерти, обратив религиозное сознание к грядущему воскрешению, осуществимому, согласно мысли Фёдорова, лишь имманентно как воскрешение, а не трансцендентно, и впало человечество в состояние неродственности. Трансцендентное воскрешение Божьей силой Фёдоров приравнивает к «воскресению суда», к «воскресению гнева». Мыслитель настаивает на необходимости активного участия человека в деле воскрешения, в результате чего спасение обретут все, а не только избранные. Спасение всех есть для Фёдорова необходимое условие оправдания Бога и оправдания человека.

Мир, в котором протекает жизнь людей, лишь потенциально может быть признан совершенным. Объединившись, человечество призвано сделать мир совершенным, преодолеть главную причину его несовершенства, «бедности», причину его неродственного состояния – смерть. Человек, согласно Фёдорову, должен сделаться активным орудием воли Бога, поскольку через человека, как существо разумно-свободное, через единую совокупность человечества действует божественная воля, направленная на восстановление мира и бессмертное состояние, когда грехи искуплены и возвращены все жертвы грехопадения. Без веры в человека, в его способность стать орудием Божьей воли невозможна, как считает Фёдоров, и вера в Бога. Фёдоров понимает своё учение как активное христианство, слово Божье воспринимается им как программа, как призыв к действию. Бога Троицкого Фёдоров считает возможным переосмыслить как символический образец общества будущего, основанного на любви, высшей родственности, «полной взаимности, взаимопонимании». Троица есть своего рода идеальное общество, а не монолитный Бог Ветхого завета или Корана, в чем Фёдоров видит особенность христианской идеи Бога. В нераздельности и неслиянности лиц троичного Бога усматривает он «возвышенно показательную эмблему» всеобщего братства, при полном раскрытии индивидуальности каждого члена. Фёдоров истолковывает догмат троичности как заповедь, как проект для человечества; превращение догмата в заповедь становится важнейшим принципом активного христианства.

Устроиться «человеческое многоединство или всеединство (всехъединство») должно без принуждения, свободно и по закону любви. Этот план устроения «человеческого многоединства» по образцу Троицы и представляет для Фёдорова закон любви, т.е. сущность христианства: «...потому и нет у них смерти, что верность и взаимная любовь их безграничны; у нас же только воскресение, отрицающее границу, полагаемую нашей верности смертью, уподобляет нас Троице»⁷. В идеальном обществе, которое станет венцом всеобщих усилий и деле воскресения, личность человека будет обладать нравственной самоценностью и свободой. До тех пор ее действия определяются исключительно нравственным чувством долга, к которому взывает Фёдоров. Свободу и саму жизнь необходимо добывать собственным трудом, а не принимать только как дар Божий, «нет достоинства добывать жизнь для себя, для своей драгоценной личности, и защищать свою драгоценную свободу, всякий зверь так поступает»⁸. Согласно Фёдорову, не в свободе состоит достоинство личности, а в активном её

участии в деле воскрешения, т.е. в выполнении всеобщего нравственного долга. По убеждению философа, «идеал свободного существа не должен быть, однако, целью человека; не из личной свободы вытекает долг воскресения, а из сего последнего должна произойти свобода, без исполнения же этого долга свобода даже невозможна»⁹.

Мыслитель верил, что само дело воскрешения отцов преобразит человечество, зло станет попросту невозможно, и люди достигнут нравственного совершенства. То же преобразование произойдет и с теми, которые воскреснут: «И свершится дело Божье, превратившее всё человечество в орудие свое, и обратятся все солнца, все небесные миры в Царство Божие, в рай»¹⁰.

Фёдоровское учение превозносит человеческий разум: в рациональном познании, по мнению философа, заключён залог успеха в деле воскрешения предков. Эта позиция вызвала ряд критических замечаний, высказанных многими русскими мыслителями, в том числе С.Н. Булгаковым и Н.А. Бердяевым: «Фёдоров верит в возможность рационально регулировать и управлять всей жизнью мира, без всякого иррационального остатка. Он не хочет признавать тесного, иррационального истока в жизни мировой и жизни человеческой, безосновной воли ко злу, с которой не может справиться никакой свет знаний и сознания. В этом душа его не современна»¹¹. Христианство в интерпретации Фёдорова лишается элемента мистического, а ведь только как мистическая должна быть понята христианская идея воскрешения. «Гениальная дерзновенность» фёдоровской идеи в том и состоит, что воскрешение переносится из плана трансцендентного в план имманентный и осуществляется посредством активной деятельности человечества, выступая для него как высшая цель, долг и единственно нравственное назначение. «Проекту» подчинена вся человеческая жизнь, содержание которой составляют, с точки зрения Фёдорова, осознание нравственного долга перед усопшими и деятельность, активизирующая это осознание. Не случайно Георгий Флоровский сравнивает фёдоровский «проект» с предписанием, поступающим человеку извне и определяющим всю его дальнейшую жизнь.

Тема человеческой личности как начала самоценного, ее достоинства, равно как и тема свободы человека не обрели у Фёдорова самостоятельного значения: они полностью подчинены центральной теме его философии (о чем уже говорилось выше). У Фёдорова нравственное совершенствование личности происходит по мере ее вовлечения в практический процесс «общего дела». Свобода носит в фёдоровских построениях характер проективный,

что мы уже отмечали, но это вовсе не означает, что свобода «выводится» (исключается) философом из области сущего. Не по принуждению человек включается в процесс всеобщего воскрешения, а по доброй воле. Вопрос об участии человека в «общем деле» Фёдоров выводит в область выбора самого человека. «Назначение человека, – утверждает Фёдоров, – быть существом свободным, а, следовательно, и самосозданным, так как только самосозданное существо может быть свободным. В этом создании себя, т.е. в состоянии и обращении к небу, человек открывает Бога и Бог открывается человеку, точнее сказать: открывая Бога отцов, существо, сделавшее такое открытие, становится сыном человеческим, а не просто человеком только; и лишь отвлеченно, забывая утраты, можно сказать, что существо, открывшее Бога, стало человеком»¹².

В философии «общего дела» идёт речь о двух нравственностях: нравственности разъединения, «т. е. свободе личности, выражающейся в борьбе за мнимые достоинства и мнимые блага сынов, забывших отцов», и нравственности объединения, т.е. нравственности сынов, сознающих утрату и «только в исполнении долга находящихся свое благо, свое дело»¹³. В настоящем мире господствует нравственность разъединения, ибо человечество руководствуется в своих поступках чувством (похотью) только. Когда же мир станет управляться чувством (сыновства) и разумом воскрешенных поколений, то, полагает Фёдоров, восторжествует нравственность объединения.

Итак, нравственное совершенство и свобода личности в полной мере обретаются и раскрываются в Царстве Божиим, в будущем «союзе воскрешающих и воскрешенных»; в мире сущем и нравственности, и свободе придаётся скорее инструментальный характер. Человек рождается рабом и останется таковым до тех пор, пока не обратит даровое в трудовое, не воскресит умерших родителей и не обновится сам. Только реализация проекта воскрешения приведет к осуществлению свободы: «...как может быть абсолютной самоцелью осуществление свободы каждого в отдельности, этого бессодержательного Ничто в мнимом единстве, вернее в пустоте всех, остающихся подчиненными силе неразумной и мечтающих только об освобождении себя от существ разумных? Рабство и господство есть несомненное зло; но и свобода (взятая сама по себе, без дальнейшего определения и осуществления своего назначения) не есть благо; она просто – ничто»¹⁴. Таким образом, Фёдоров утверждает свободу, проникнутую светом разума и силой любви (сыновней).

У Фёдорова мы находим немало общего с А.С. Хомяковым и славянофильством в целом, но его философия много активнее. Фёдоров призывает к космодемиургическому акту, который имеет в качестве высшего образца творческий акт божественный, и понимает «общее дело» не как новое творение (творение «из ничего»), а как воссоздание уже бывшего состояния мира, поскольку мир уже есть и может быть лишь преобразован, одухотворён: «Творить мы не можем, а воссоздавать сотворённое не нами, но разрушенное по нашему неведению или по нашей вине мы должны, иначе мы не будем подобием творца, и всё созданное должно погибнуть, разрушиться»¹⁵. Фёдоров не отвергает творчество как форму самоосуществления человека, наоборот, творчество и любовь он считает высшими способностями человека, без которых невозможно устройство будущей жизни. В его учении человеку отводится роль «творческого регулятора» преобразованного и одухотворенного мира. Духовная любовь к родителям, к предкам заложена в основу проекта воскрешения; любви надлежит стать определяющим началом идеального союза воскрешенных и воскрешающих. Этот союз, о котором речь шла выше, можно рассматривать как своего рода осуществление идеи соборности. В контексте активного христианства Фёдорова его концепция «общего дела» может быть представлена как вариант «разработки» идеи соборности, Богочеловечества. В дальнейшем идея соборности трансформировалась в понятие всеединства, ставшее основополагающим в философской системе В.С. Соловьёва, основателя философской школы всеединства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912. С. 4.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 198–199.

³ Бердяев Н.А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н. Фёдорова) // Н.А. Бердяев о русской философии. Т. 2. Ч. 2. Свердловск, 1991. С. 55.

⁴ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 407.

⁵ Там же. С. 558.

⁶ Там же. С. 643.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Там же. С. 430.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бердяев Н.А. Религия воскрешения... С. 53.

¹² Фёдоров Н.Ф. Сочинения. С. 561–562.

¹³ Там же. С. 487.

¹⁴ Там же. С. 548.

¹⁵ *Фёдоров Н.Ф.* Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н.Ф. Фёдорова, изданные под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. Т. 2. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. С. 47.